

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

УДК 008
DOI 10.20339/AM.06-20.112

Л.Б. Берберова,
канд. пед. наук, старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве РФ
e-mail: berberova.liana@yandex.ru

З.А. Кучукова,
д-р филол. наук, проф.
Кабардино-Балкарский государственный университет
имени Х.М. Бербекова
e-mail: kuchuk60@list.ru

ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Представлена развернутая оценка новой монографии известного российского философа Х.Г. Тхагапсоева «Культурологическая наука на парадигмальных разломах» в контексте развития культурологической науки на юге России. Авторы рассматривают комплекс актуальных вопросов, связанных со статусом культурологии как научной дисциплины, информационно-семиотической теорией культуры, этнокультурным миром Кавказа, лектонической цивилизацией, а также динамикой гендерных отношений на Северном Кавказе.

Ключевые слова: культурология, монография, информация, семиотика, фрейм, трансляция, этнический фактор, культурный диалог, гендер.

EXPERIENCE IN INTERPRETATION OF NATIONAL CULTUROLOGY

L.B. Berberova is Cand.Sci. (Pedagogy), senior lecturer at Financial University under the Government of the Russian Federation; and **Z.A. Kuchukova** is Dr.Sci. (Philology), prof. at Kabardino-Balkarian State University n.a. Kh.M. Berbekov

Presented is detailed assessment of the new monograph of famous Russian philosopher Kh.G. Tkhapsoev "Cultural science on paradigmatic faults" in the context of development of cultural science in the south of Russia. A complex of topical issues is considered, related to the status of culturology as scientific discipline, informational and semiotic theory of culture, ethnocultural world of the Caucasus, lectonic civilization, as well as dynamics of gender relations in the North Caucasus.

Key words: cultural studies, monograph, information, semiotics, frame, broadcast, ethnic factor, cultural dialogue, gender.

На протяжении всей истории своего существования человечество решает проблему самопознания и познания мира. Этот многотрудный путь характеризуется появлением на дискурсивной арене все новых и новых научных дисциплин, позволяющих улавливать и описывать тонкую материю различных срезов реальности.

Культурология в дискуссиях о статусе

Одной из таких новоявленных дисциплин является культурология, статус которой до сих пор порождает ши-

рокий спектр мнений и оценок. Об этом можно судить по простому перечислению заголовков работ современных авторов: «Культурология: за и против» [4], «Культурология в системе наук о культуре: новая дисциплина или междисциплинарный проект?» [5], «Культурология: возможность стать наукой» [6].

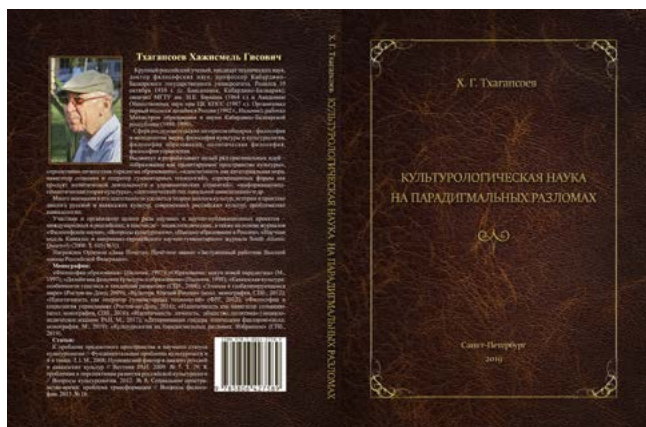
В общественных кругах широко бытует мнение о том, что культурология – чисто российское изобретение. К примеру, д-р филос. наук, проф. Института искусствознания (Москва) Н.А. Хренов пишет: «Нередко приходится слышать, что такой науки в других странах нет. У нас ее назвали

культурологией. Но ведь в других странах и не было для этого предпосылок. Ни один народ в истории не решался на тотальное разрушение всего существующего, чтобы на пустом месте строить принципиально новую, никогда прежде не бывшую в истории социальную систему. Революции, естественно, были и в других странах, но при этом народы сумели сохранить и культуру, и религию» [10. С. 77]. По мнению ученого, зарождение культурологии как науки неслучайно пришлось на время оттепели: такой подъем гуманитарной мысли фактически стал «творческим ответом на вызов истории» [10. С. 78] и предусматривал сбор, идентификацию и научное осмысление забывающихся культурных универсалий.

Сходную позицию занимают В.П. Гриценко и Т.Ю. Данильченко. Они основную задачу отечественной культурологии видят в целенаправленной систематизации всех тех концептов и концептосфер, которые в совокупности определяют культурный лик полиэтнической и поликонфессиональной России. Они справедливо полагают, что «движение отечественного культурологического знания от использования философских категорий к категориям культуры, а от них к исследованию когнитивных особенностей познания и восприятия мира, «ментальностей», «национальных и этнических картин мира», «культурных концептов», «концептосферы» – это шаги по пути сближения и встречи отечественной культурологии с зарубежной культурной антропологией» [2. С. 63].

Выдающемуся кинорежиссеру А.Н. Сокурову принадлежат слова о том, что «пока главной задачей общества не будет культура, трагедии и всякого рода стрессы будут продолжаться» [9. С. 3]. Здравомыслящие работники образования все чаще поднимают вопрос о том, что культурологическая подготовка студентов должна осуществляться не только в гуманитарных вузах и учебных заведениях творческого профиля, но также в высших школах технической направленности. На рельсы конкретной методологии эта проблема переведена в статье Е.Ю. Третьяковой с примечательным названием «Вузовский компонент отечественной культурологии: опыт и перспективы». Отталкиваясь от посыла о том, что «культурология не рядовой предмет общеобразовательного цикла», автор делает весьма важное умозаключение: «Наряду с приобщением к ценностям мировой культуры предполагалось углубленное изучение истории отечественной культуры, учитывалось и освоение регионального компонента. Это, заметим, вполне соответствовало ментальности народов нашей страны, подтверждая, что понятие «интеллигентный человек» у нас отличается от западного понятия «специалист» [7. С. 3].

Как далее указывает автор, Краснодарским государственным университетом культуры и искусств разработан

Тхагапсоев Х.Г. Культурологическая наука на парадигмальных разломах: избранные труды. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 231 с.

ISBN 978-5-8064-2758-9

Thagapsoev, H.G. Cultural science on paradigm faults: selected works. Saint Petersburg: Publishing House of the Herzen State University, 2019. 231 p.

специализированный учебно-методологический комплекс по изучению культурологии. Отличительной чертой представленного комплекса является его трехмерность, нацеливающая студентов на изучение «общемировых, общенациональных, региональных особенностей развития культуры» [7. С. 4].

Весьма симптоматично, что именно преподаватели-практики учебных заведений проявляют наибольший интерес к вопросам культурологии. Это объяснимо, если учесть, что педагог по определению движим внутренней интенцией транслировать молодому поколению «сумматив нарративов (повествований) о культуре» [8. С. 17] в воспитательных целях.

Опыт осмысления культурологии

Одним из таких «пишущих преподавателей» является д-р филос. наук, проф. кафедры философии Кабардино-Балкарского государственного университета Хажисмель Гисович Тхагапсоев, который в недавно изданной монографии «Культурологическая наука на парадигмальных разломах» (СПб., 2019) изложил собственные концептуальные суждения о предметно-проблемных особенностях отечественной культурологии.

По своему композиционному построению анализируемая книга состоит из трех взаимосвязанных разделов: «Теория и методология культуры», «Этнический фактор в культурно-цивилизационных процессах» и «Образование как проектируемое пространство культуры».

В первом разделе автор сразу вторгается в самое «пекло» спорных концепций о статусе культурологии, ее ка-

чественном содержании и целевых установках. Осмысливая разные точки зрения, преодолевая спорные моменты, Х.Г. Тхагапсоев приходит к справедливому выводу о том, что «серьезные внутренние противоречия в любой науке рано или поздно находят разрешение в процессах парадигмальных трансформаций» [8. С. 18]. При этом отправным моментом подобных трансформаций ученый называет «онтологический консенсус» [8. С. 18], позволяющий в дисциплинах, дифференцированных на «герметические отсеки», вывить обобщающие, культурно отягощенные элементы, подводя их под общий знаменатель.

Естественно, таким научным мировоззрением в наибольшей степени обладают именно философы, способные одновременно обозреть весь «мультиверсум», все социальное бытие и целостное единство культурных образов. Поясняя суть такой широкофокусной оптики, Х.Г. Тхагапсоев пишет: «С позиций философии культура не является отдельной сферой, чем-то таким, что можно отграничить, обособить и выделить из общей структуры социального бытия (бытия человека). В методологическом ракурсе философии культура мыслится как некая универсальная сущность, которая пронизывает все сферы и аспекты социального бытия, по сути, творя и поддерживая его целостность» [8. С. 19].

Другая принципиальная позиция ученого заключается в том, что «в современной России культурология за сравнительно короткое постсоветское время сложилось и бытует как большой массив предметно-специализированных и интегративных знаний о культуре, а также как спектр направлений, течений и подходов к познанию феноменов культуры» [8. С. 21]. В указанном контексте задача отечественных культурологов автору видится в ликвидации «парадигмальных отставаний» и достижении высшей точки осмысления россиянами собственной социокультурной идентичности через ренессанс, учет и приятие веками сложившихся этнокультурных констант.

«Информационно-семиотическая теория культуры» – такое типологическое имя автор книги присваивает научно-исследовательскому алгоритму, нацеленному на систематизацию культурологием, архетипов, паттернов, фреймов, кодов, тем самым определяющему актуальный вектор отечественной культурологии. Он справедливо полагает, что социальная информация в тесной соотнесенности с историческим процессом оседает в артефактах культуры – орудиях труда, газетах, журналах, архивных документах, кассетах, лазерных дисках, флешках, компьютерных серверах, фольклорных и литературных текстах. Благодаря всем этим трансляторам «новые поколения людей избавлены от необходимости каждый раз повторять культурогенез» [8. С. 28]. При том, что носителями социальной информации могут быть самые разные приспособления, относительно

единицами, универсальными и нерастворимыми во времени остаются базовые «категориальные упаковки сознания» [8. С. 31], обретающие форму «культурного кода» или «фрейма» [8. С. 45].

В разделе «Фрейм как категория информационного бытия и мера культуры» автор крупным планом рассматривает накопительно-информативный потенциал фрейма, его иерархическую модель, типологические разновидности, а также определяет функциональные возможности фрейма в когнитивной лингвистике, лингвокультурологии и литературоведении.

О чем бы ни писал Х.Г. Тхагапсоев, он всегда периферийным взглядом отслеживает этнический «курсив» исследуемых проблем, что представляется чрезвычайно важным в условиях многонациональной России. Недаром почти в каждой своей работе он предлагает перейти от теории к практике и общими усилиями создать «Энциклопедию семиотики культур народов России», а следом «Сравнительную культурологию российских культур». Ученый убежден в том, что «в современных условиях (условиях информационного общества), когда чуть ли не нормой политической жизни становится искусная организация в глобальных соцсетях «войны» ценностных миров и культурных идентичностей, эффективный диалог российских культур становится важнейшим аспектом обеспечения безопасности и исторических перспектив России» [8. С. 50].

Качество межкультурной коммуникации напрямую зависит от качества разработанности отдельно взятых этнических культур РФ. Касаясь этой проблемы, Хажисмель Гисович ставит диагноз представителям современного научного сообщества, которые зачастую свои культурологические исследования превращают в модель «этнографического комплементарного самоописания» [8. С. 49]. Другая болезнь – дефицит обобщающих исследований с выявлением метакодов, фреймов, паттернов, которые на более высоких «этажах» культурологической компаративистики позволили бы судить о «спецификах российской цивилизации и ее типологических чертах» [8. С. 49].

Х.Г. Тхагапсоев, которого по праву можно назвать культурологом-кавказоведом, восполняя вышеобозначенный пробел в следующем разделе: фактически показал «мастер-класс» по исследованию особенностей цивилизационного процесса на Северном Кавказе с выявлением основных культурообразующих механизмов.

Главное открытие ученого заключается в объективизации лектонического типа цивилизации, которым он характеризует кавказский этнокультурный мир. Поясним: «лектон» в данном случае является парной категорией «логоса» (в рамках греческой философии) и означает «сигнификацию смыслов бытия», «соотношение объективного

мира и его субъективного (человеческого) восприятия» [8. С. 131]. Иными словами, кавказский этнокультурный мир организован таким образом, что каждый индивид с рождения попадает в своеобразную «смирительную рубашку» из многоуровневых предписаний рода, племени, этноса. Здесь «коммуникация выстраивается как некая семиотика структурирования экзистенциального бытия, ориентированная на самоорганизацию социума в ответ на любой вызов жизни» [8. С. 132].

Раскрывая суть «лектонического арсенала культуры», автор приводит в пример фрейм-сценарии, связанные с «культотом старшего», «приемом гостя», «чувствованием героя», «реакцией на опасность», свадебными, похоронными обрядами. К сказанному следует добавить регулятивный потенциал горских кодексов (хабээ, намыс, адет, нумус), а также эпического памятника «Нарты», который нацеливает личность на соблюдение этикетных норм при любой бытийной проблеме. Словосочетанием «мобилизованный человек» [8. С. 132] автор определяет внутреннее состояние «классического кавказца», в любой момент готового «стать деятельным гражданином прецедента актуализации культурного опыта социума» [8. С. 132].

Однородна ли кавказская локальная цивилизация? Предвидя такого рода вопрос, Х.Г. Тхагапсоев в упреждающей форме делает оговорку и отмечает обусловленность культурного облика народа влиянием религиозных и языковых факторов. В частности, он упоминает Азербайджан, который «является частью тюркского культурного мира», христиан Армении и Грузии, а также «дагестанские этносы, которые более тысячи лет испытывают влияние ислама» [8. С. 138]. Однако при всех различиях, по мнению автора, именно лектонический тип коммуникации играет ярко выраженную гомогенизирующую роль в отношении практически всех кавказских этносов.

Другой риторический вопрос, которым задается Х.Г. Тхагапсоев, касается диалектики. На самом ли деле «абсолютно неизменное безнадежно мертво» [1. С. 4] и как в контексте кавказской традиционной культуры соотносятся константы и контексты устойчивого и переменчивого? Большим и развернутым ответом на этот вопрос стали три параграфа в монографии с «говорящими» названиями «Диалог русской и кавказских культур как цивилизационный феномен», «Этнический фактор в современном мире: особенности бытия и отражения в культурологии», а также «Гендер в бытии этноса: проблема методологической оптики и культурологических измерений». Всем ходом своего исследования Х.Г. Тхагапсоев показывает, что первоначальная линия противостояния, которая разделяла «вольнлюбивый» Кавказ с его «диким рыцарством» [8. С. 169] и «просвещенно-державную Российскую цивилизацию», постепенно

превращается в зону культурного диалога, плодотворного и созидательного обмена культурными ценностями. Здесь речь идет не столько о материальных артефактах, сколько о явлениях духовного порядка.

Проявляя ярковыраженные способности литературоведческого анализа, автор исследует кросс-культурный дискурс «кавказоведческих» произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.А. Бестужева-Марлинского и Л.Н. Толстого, где магистральной линией проходит тема миротворчества и исторической важности евразийского диалога. В полном соответствии с информационно-семиотической методологией изучения художественных текстов Х.Г. Тхагапсоев выявляет и интерпретирует коды «кавказского пленника», «любви между пленником и горянкой», демонстрирующие «диалогическую совместимость кавказской и русской культур» [8. С. 169], а также онтологический статус «любви» как идеи противостояния войне, милитаризму, любому агрессивному умонастроению. Выражаясь метафорическим языком, лермонтовское «люблю я Кавказ» стало масштабным и социокультурно активным фрейм-сценарием, вызвавшим в ответ многочисленные художественные отклики со стороны кавказских просветителей и профессиональных литераторов, выступивших за «свет братства» [3. С. 36].

Что же касается гендера, то Х.Г. Тхагапсоев убежден в том, что «данная категория давно просится в арсенал культурологии» [8. С. 186], поскольку без учета фактора пола, без определения индекса женственности и мужественности весьма проблематично объективно идентифицировать существенные особенности «той или иной культуры этнической, региональной, субсоциальной, групповой, профессиональной» [8. С. 185]. В сжатой форме автор сумел воспроизвести диахронно-синхронический срез гендерных отношений на Кавказе, последовательно изобразив их патриархатную модель, в советском варианте гендерную инверсию 1990-х гг., а также ультрасовременные тенденции, основанные на личных эмпирических наблюдениях.

Наибольшее исследовательское внимание автор уделяет «гендерной революции» рубежа двух тысячелетий, ознаменовавшейся эмансипацией кавказской женщины, которая «вышла на позиции кормильца семьи», «села за руль автомобиля», освоила много новых профессий, сменила традиционный дресс-код [8. С. 192]. И вновь свои суждения автор удачно подкрепляет соответствующим художественным материалом, на этот раз произведениями Алисы Ганиевой и Дины Дамиан (псевдоним Мадины Тлостановой).

Вместе с тем следует отдать дань диалектическому мировидению Х.Г. Тхагапсоева, который и в этногендерном вопросе, фокусируя внимание на приметах модернизации, попутно отмечает и незыблемые элементы, в частности,

«суровый запрет на сексуально-брачные отношения по линии родства, вплоть до седьмого колена», а также все еще сохраняющиеся на Кавказе статусы «старшего мужчины» и «старшей женщины» рода» [8. С. 195].

В последнем разделе, который называется «Образование как проектируемое пространство культуры», автор с культурологических позиций анализирует комплекс проблем, связанных с модернизацией российского образования, Болонской системой, компетентностным подходом, достоинствами и недостатками современных наукометрических критериев, технологией «Антиплагиат». Главный вывод автора в «образовательном» разделе сводится к призыву о том, что «мы должны не модернизировать общество, культуру и образование по «эталонным образцам Запада»,

Литература

1. Готов А.М. Константы в культурном пространстве. Публицистика. Фольклор. Литература. Нальчик, 2011.
2. Гриценко В.П., Данильченко Т.Ю. Основные направления концептуальной эволюции отечественной культурологии // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2011. С. 61–63.
3. Кулиев К.Ш. Так растет и дерево. М., 1975.
4. Межуев В.М. Культурология: за и против // Вопросы философии. 2008. № 11. С. 4–32.
5. Резник Ю.М. Культурология в системе наук о культуре: новая дисциплина или междисциплинарный проект? // Теория культуры. Фундаментальные проблемы культурологии. СПб., 2008. С. 16–32.
6. Солонин Ю.Н., Тишкина А.Г. Культурология: возможность стать наукой (тезисы) // Инновационный потенциал культурологии и ее функции в системе гуманитарного знания. СПб., 2008. С. 45–53.
7. Третьякова Е.Ю. Вузовский компонент отечественной культурологии: опыт и перспективы // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2004. С. 3–7.
8. Тхагапсоев Х.Г. Культурологическая наука на парадигмальных разломах: избранные труды. СПб., 2019.
9. Универсальные истины Александра Сокурова // Кабардино-Балкарская правда. 21 июня, 2012.
10. Хренов Н.А. Г. Гачев как человек и ученый и его концепт космо-психо-логоса // Национальные образы мира в художественной культуре. Нальчик, 2015. С. 68–90.

а искать и находить собственные формы современного культурно-цивилизационного творчества» [8. С. 221].

Заключение

Подытоживая сказанное, можно отметить, что в монографии Х.Г. Тхагапсоева не только представлен теоретический анализ сущностных особенностей «складывающейся» отечественной культурологии, но и сделан важный шаг в разработке ее педагогического применения в образовательной системе. Также эвристический, просветительский потенциал нового издания может стать методологической основой для создания энциклопедических трудов по культурологии народов России.

References

1. Gutov, A.M. Constants in the cultural space. Journalism. Folklore. Literature. Nalchik, 2011.
2. Gricenko, V.P., Danilchenko, T.Yu. Main directions of conceptual evolution of Russian cultural studies. In: *Culture life in the South of Russia*. Krasnodar, 2011. P. 61–63.
3. Kuliev, K.Sh. The tree grows so. Moscow, 1975.
4. Mezhuiev, V.M. Cultural studies: pros and cons. *Problems of philosophy*. 2008. No. 11. P. 4–32.
5. Reznik, Yu.M. Culturology in the system of cultural sciences: a new discipline or an interdisciplinary project? In: *Theory of culture. Fundamental problems of culturology*. St. Petersburg, 2008. P. 16–32.
6. Solonin, Yu.N., Tishkina, A.G. Culturology: opportunity to become a science. In: *Innovative potential of culturology and its functions in the system of humanitarian knowledge*. St. Petersburg, 2008. P. 45–53.
7. Tretyakova, E.Yu. Higher school component of national culturology: experience and prospects. In: *Culture life in the South of Russia*. Krasnodar, 2004. P. 3–7.
8. Thagapsoev, Kh.G. Cultural science on paradigmatic faults: collection works. St. Petersburg, 2019.
9. Universal truths of Alexander Sokurov. *Kabardino-Balkarskaya pravda*. 21st June, 2012.
10. Khrenov, N.A. G. Gachev as person and scientist and his concept of cosmo-psycho-logos. In: *National images of the world in art culture*. Nalchik, 2015. P. 68–90.